К 81-й годовщине со дня рождения А. М. Горького

Город Желтого Дьявола

(Окончание. Начало на 2-й стр.)

О людях — страшно и больно говорить.

Вагон «воздушной дороги» с воем и грохотом мчится по рельсам, между стен домов узкой улицы, на высоте третьих этажей, однообразно опутанных решетками железных балконов и лестниц. Окна открыты, и почти в каждом из них — фигуры людей. Одни — работают, что-то шьют или считают, наклонив головы над конторками, другие просто сидят у окон, лежат грудью на подоконниках и смотрят на вагоны, каждую минуту пробегающие мимо их глаз. Старые, молодые и дети — все одинаково безмолвны, однообразно спокойны. Привыкли к этим стремлениям без цели, привыкли думать, что тут есть цель. В глазах — нет гнева против владычества железа, нет ненависти к его торжеству. Мелькание вагонов сотрясает стены домов,—вздрагивают груди женщин, головы мужчин; на решетках балконов валяются тела детей и тоже дрожат, привыкая принимать эту отвратительную жизнь как должное, неизбежное. В мозгах, которые всегда встряхивают, вероятно, невозможно мысли плести свои смелые, красивые кружева, невозможно родить живую, дерзкую мечту.

Вот промелькнуло темное лицо старухи в грязной кофте, расстегнутой на груди. Уступая дорогу вагонам, замученный, отравленный воздух испуганно бросился в окна, — седые волосы на голове старухи затрепетали, точно крылья серой птицы. Она закрыла свинцовые, погасшие глаза. Исчезла.

В мутных внутренностях комнат мелькают железные прутья кроватей, покрытых лохмотьями, грязная посуда и об'едки пищи на столах. Хочется увидеть цветы на окнах, ищешь человека с книгой в руке. Стены льются мимо глаз, точно расплавленные, они текут грязным потоком навстречу, в быстром беге потока тягостно копошатся безмолвные люди.

Лысый череп тускло блеснул за стеклом, покрытым слоем пыли. Он однообразно качался над каким-то станком. Девушка, рыжеволосая и тонкая, сидит на окне и вяжет чулок, считая темными глазами петли. Ударом воздуха ее качнуло внутрь комнаты,— она не отвела глаз от работы, не поправила платья, развеянного ветром. Два мальчика, лет по пяти, строят на балконе дом из щепок. Он развалился от сотрясения. Дети хватают маленькими лапами тонкие щепы, чтобы они не упали на улицу сквозь отверстия в решетке балкона, — и тоже не смотрят на причину, помешавшую их задаче. Еще и еще лица, одно за другим, мелькают в окнах, точно осколки чего-то одного — большого, но разбитого в ничтожные пылинки, растертого в дресву.

Гонимый бешеным бегом вагонов, воздух развевает платье и волосы людей, бьет им в лицо теплой, душной волной, толкает, вгоняет им в уши тысячи звуков, бросает в глаза мелкую, едкую пыль, слепит, оглушает протяжным, непрерывно воющим звуком...

Живому человеку, который мыслит, создает в своем мозгу мечты, картины, образы, родит желания, тоскует, хочет, отрицает, ждет, — живому человеку этот дикий вой, визг, рев, эта дрожь камня стен, трусливый дребезг стекол в окнах — всё это ему мешало бы. Возмущенный, он вышел бы из дома и сломал, разрушил эту мерзость — «воздушную дорогу»; он заставил бы замолчать нахальный вой железа, он — хозяин жизни, жизнь — для него, и всё, что ему мешает жить — должно быть уничтожено.

Люди в домах города Желтого Дьявола спокойно переносят всё, что убивает человека.

Внизу, под железной сетью «воздушной дороги», в пыли и грязи мостовых, безмолвно возятся дети, — безмолвно, хотя они смеются и кричат, как дети всего мира, но голоса их тонут в грохоте над ними, точно капли дождя в море. Они кажутся цветами, которые чья-то грубая рука выбросила из окон домов в грязь улицы. Питая свои тела жирными испарениями города, они бледны и желты, кровь их отравлена, нервы раздражены зловещим криком ржавого металла, угрюмым воем порабощенных молний.

Разве из этих детей вырастут здоровые, смелые, гордые люди? — спрашиваешь себя. В ответ отовсюду скрежет, хохот, злой визг.

Вагоны несутся мимо Ист-Сайда, квартала бедных, компостной ямы города. Глубокие канавы улиц, ведущие людей куда-то в глубины города, где — представляется уму — устроена огромная, бездонная дыра — котел или кастрюля, — туда стекаются все эти люди, и там из них вывариваются золото. Канавы улиц кишат детьми.

Я очень много видел нищеты, мне хорошо знакомо ее зеленое, бескровное, костлявое лицо. Ее глаза, тупые от голода и горящие жадностью, хитрые и мстительные или рабски покорные и всегда нечеловеческие, я всюду видел, но ужас нищеты Ист-Сайда — мрачнее всего, что я знаю.

В этих улицах, набитых людьми, точно мешки крупой, дети жадно ищут в коробках с мусором, стоящих у панелей, загнившие овощи и пожирают их вместе с плесенью тут же, в едкой пыли и духоте.

Когда они находят корку загнившего хлеба, она возбуждает среди них дикую вражду; охваченные желанием проглотить ее, они дерутся, как маленькие собачонки. Они покрывают мостовые стаями, точно прожорливые голуби; в час ночи, в два и позднее — они все еще роются в грязи, жалкие микробы нищеты, живые упреки жадности богатых рабов Желтого Дьявола.

На углах грязных улиц стоят какие-то печи или жаровни, в них что-то варится, пар, вырываясь по тонкой трубке на воздух, свистит в маленький свисток на конце ее. Тонкий, режущий ухо свист прорывает своим дрожащим острием все звуки улиц, он тянется бесконечно, как ослепительно белая, холодная нить, он закручивается вокруг горла, путает мысли в голове, бесит, гонит куда-то и, не смолкая ни на секунду, дрожит в гнилом запахе, пожравшем воздух, дрожит насмешливо, злобно пронизывая эту жизнь в грязи.

Грязь—стихия, она пропитала собою всё: стены домов, стекла окон, одежды людей, поры их тела, мозги, желания, мысли...

В этих улицах — темные впадины дверей подобны загнившим ранам в камне стен. Когда, заглянув в них, увидишь грязные ступени лестниц, покрытые мусором, кажется, что там, внутри, всё разложилось и гнойно, как во чреве трупа. А люди представляются червями...

Высокая женщина с большими темными глазами стоит у двери; на руках у нее ребенок, ее кофта расстегнута, бессильно повисла длинным кошелем ее синяя грудь. Ребенок кричит, царапая пальцами вялое, голодное тело матери, тычется в него лицом, чмокает губами, на минуту умолкает, вновь кричит с большей силой, бьет руками и ногами грудь матери. Она стоит, точно каменная, и глаза ее круглы, как у совы — они смотрят упорно в одну точку перед собой. Чувствуешь, что этот взгляд не может видеть ничего, кроме хлеба. Она плотно сжала губы и дышит носом, ноздри ее вздрагивают, втягивая пахучий, густой воздух улицы; этот человек живет воспоминанием о пище, проглоченной им вчера, мечтой о куске, который он, может быть, с'ест когда-нибудь. Ребенок кричит, судорожно подергиваясь маленьким, желтым тельцем, — она не слышит его криков, не чувствует ударов...

Старик, длинный и худой, с хищным лицом, без шляпы на седой голове, прищурив красные веки больных глаз, осторожно роется в куче мусора, отбирая куски угля. Когда к нему подходят, он неуклюже, точно волк, поворачивает туловище и что-то говорит.

Юноша, очень бледный и худой, опираясь на столб фонаря, смотрит серыми глазами вдоль улицы и по временам встряхивает курчавой головой. Его руки засунуты глубоко в карманы брюк и судорожно шевелят там пальцами...

Здесь, в этих улицах, человек заметен, слышен его голос, озлобленный, раздраженный, мстительный. Здесь у человека есть лицо — голодное, возбужденное, тоскующее. Видно, что люди чувствуют, заметно, что они думают. Они кишат в грязных канавах, трутся друг о друга, точно сор в потоке мутной воды; их кружит и вертит сила голода, оживляет острое желание с'есть что-нибудь.

В ожидании пищи, в мечтах о наслаждении быть сытыми, они глотают насыщенный ядами воздух, и в темных глубинах их душ рождаются острые мысли, хитрые чувства, преступные желания.

Они подобны болезнетворным микробам в желудке города, и будет время, когда они отравят его теми же ядами, которыми он так щедро питает их теперь!

Юноша у фонаря время от времени встряхивает головой, крепко стиснув голодные зубы. Мне кажется, я понимаю, о чем он думает, чего он хочет — иметь огромные руки страшной силы и крылья за спиной он хочет, мне кажется. Это для того, чтобы однажды днем подняться над городом, опустить в него руки, как два стальных рычага, и смешать в нем всё в груду мусора и праха, — кирпич и жемчуг, золото и мясо рабов, стекло и миллионеров, грязь, идиотов, храмы, деревья, отравленные грязью, и эти глупые, многоэтажные «скребницы неба», всё, весь город — в кучу, в тесто из грязи и крови людей — в скверный хаос. Это страшное желание естественно в мозгу юноши, как нарыв на теле худосочного. Где много работы рабов, там не может быть места для свободной, творческой мысли, там могут цвести только идеи разрушения, ядовитые цветы мести, буйный протест животного. Это понятно — искажая душу человека, люди не должны ждать от него милосердия к ним.

Человек имеет право мести — это право дают ему люди.

В мутном небе, покрытом копотью, гаснет день. Огромные дома становятся все мрачнее, тяжелее. Кое-где в их темных недрах вспыхивают огни и блестят, точно желтые глаза странных зверей, которые должны всю ночь стеречь мертвое богатство этих гробниц.

Люди кончили работу дня и, — не думая о том, зачем она сделана, нужна ли она для них, — быстро бегут спать. Тротуары залиты темными потоками человеческого тела. Все головы однообразно покрыты круглыми шляпами, и все мозги — это видно по глазам — уже уснули. Работа кончена, думать больше не о чем. Все думают только для хозяина, о себе думать нечего: если есть работа — будет хлеб и дешевые наслаждения жизнью, кроме этого ничего не нужно человеку в городе Желтого Дьявола.

Люди идут к своим постелям, к женщинам своим, своим мужчинам, и ночью, в душных комнатах, потные и скользкие от пота, будут целоваться, чтобы для города родилась новая, свежая пища...

Идут. Не слышно смеха, нет веселого говора, и не блестят улыбки.

Крякают автомобили, щелкают бичи, густо поют электрические провода, гремят вагоны. Вероятно, где-нибудь играет музыка.

Мальчишки резко выкрикивают названия газет. Подлый звук шарманки и чей-то вопль сливаются в трагикомическом об'ятии убийцы и балаганного шута. Безвольно идут маленькие люди, — точно камни катятся под гору...

Всё больше и больше вспыхивает желтых огней — целые стены сверкают пламенными словами о пиве, о виски, о мыле, новой бритве, шляпах, сигарах, о театрах. Грохот железа, гонимого всюду вдоль улиц жадными толчками Золота, не становится тише. Теперь, когда везде горят огни, этот непрерывный вопль еще значительнее, он приобретает новый смысл, более тяжелую силу.

Со стен домов, с вывесок, из окон ресторанов — льется ослепляющий свет расплавленного Золота. Нахальный, крикливый, он торжествующе трепещет всюду, режет глаза, искажает лица своим холодным блеском. Его хитрое сверкание полно острой жажды вытянуть из карманов людей ничтожные крупицы их заработка, — он слагает свои подмигивания в огненные слова и этими словами молча зовет рабочих к дешевым удовольствиям, предлагает им удобные вещи...

Страшно много огня в этом городе! Сначала это кажется красивым и, возбуждая, веселит. Огонь — свободная стихия, гордое дитя солнца. Когда он буйно расцветает — его цветы трепещут и живут прекрасней всех цветов земли. Он очищает жизнь, он может уничтожить все ветхое, умершее и грязное.

Но когда в этом городе смотришь на огонь, заключенный в прозрачные темницы из стекла, понимаешь, что здесь — как всё — огонь порабощен. Он служит Золоту, для Золота и враждебно далек от людей...

Как всё — железо, камень, дерево — огонь тоже в заговоре против человека, ослепляя его, он зовет:

— Иди сюда!

И выманивает:

— Отдай твои деньги!..

Люди идут на его зов, покупают ненужную им дрянь и смотрят на зрелища, отупляющие их.

Кажется, что где-то в центре города вертится со сладострастным визгом и ужасающей быстротой большой ком Золота, он распыливает по всем улицам мелкие пылинки, и целый день люди жадно ловят, ищут, хватают их. Но вот наступает вечер, ком Золота начинает вертеться в противоположную сторону, образуя холодный, огненный вихрь, и втягивает в него людей затем, чтобы они отдали назад золотую пыль, пойманную днем. Они отдают всегда больше того, сколько взяли, и на утро другого дня ком Золота увеличивается в об'еме, его вращение становится быстрее, громче звучит торжествующий вой железа, его раба, грохот всех сил, порабощенных им.

И жаднее, с большей властью, чем вчера, оно сосет кровь и мозг людей для того, чтобы к вечеру эта кровь, этот мозг обратились в холодный, желтый металл. Ком Золота — сердце города. В его биении — вся жизнь, в росте его об'ема—весь смысл ее.

Для этого люди целыми днями роют землю, куют железо, строят дома, дышат дымом фабрик, всасывают порами тела грязь отравленного, больного воздуха, для этого они продают свое красивое тело.

Это скверное волшебство усыпляет их души, оно делает людей гибкими орудиями в руке Желтого Дьявола, рудой, из которой Он неустанно плавит Золото, свою плоть и кровь.

Из пустыни океана идет ночь и дышит на город прохладным, соленым дыханием. Тысячами стрел вонзаются в нее холодные огни — она идет, сострадательно окутывая темными одеждами безобразие домов, мерзость узких улиц, прикрывая грязь лохмотьев нищеты. Дикий вопль жадного безумия несется ей навстречу, разрывая ее тишину — она идет и медленно гасит нахальный блеск порабощенного огня, закрывая своей мягкой рукой гнойные язвы города.

Но, вступая в сети улиц, она не в силах победить, разогнать своим свежим дыханием ядовитые испарения города. Она трется о камень стен, нагретый солнцем, ползет по ржавому железу крыш, по грязи мостовых, пропитывается ядовитой пылью, глотает запахи и, опуская крылья, бессильно, неподвижно ложится на крыши домов, в канавы улиц. От нее осталась только тьма,— свежесть и прохлада исчезли, проглоченные камнем, железом, деревом, грязными легкими людей. В ней больше нет тишины, нет поэзии...

Город засыпает в духоте, он ворчит, как огромное животное. Оно слишком много пожрало за день разной пищи, ему жарко, неловко и снятся дурные, тяжелые сны.

Вздрагивая, угасает огонь, отслужив свою жалкую службу провокатора, лакея рекламы. Дома всасывают людей, одного за другим, в свои каменные внутренности.

Худой, высокий и сутулый человек стоит на углу улицы и скучно, бесцветными глазами смотрит направо и налево, медленно повертывая голову. Куда итти? Всё улицы одинаковы, и все дома смотрят друг на друга бельмами тусклых окон одинаково безразлично и мертво...

Душная тоска давит горло теплой рукой, стесняя дыхание. Над крышами домов неподвижно стоит прозрачное облако дневных испарений проклятого, несчастного города. Сквозь эту пелену в недосягаемой высоте небес тускло мерцают тихие звезды.

Человек снял шляпу, поднял голову, смотрит вверх. Высота домов в этом городе оттолкнула небо дальше от земли, чем где-либо. Звезды — мелки, одиноки...

Вдали тревожно звучит медная труба. Длинные ноги человека странно вздрагивают, и он идет в одну из улиц, шагая медленно, наклонив голову и размахивая руками. Уже поздно, улицы становятся всё более пустынными. Одинокие маленькие люди исчезают, точно мухи, пропадая во тьме. На углах неподвижно стоят полицейские, в серых шляпах, с палками в руках. Они жуют табак, медленно двигая челюстями.

Человек идет мимо них, мимо телефонных столбов и множества черных дверей в стенах домов,— черных дверей, сонно разинувших квадратные пасти. Где-то далеко гремит и воет вагон трамвая. Ночь задохнулась в глубоких клетках улиц, ночь умерла.

Человек идет, размеренно передвигая ноги, и качает свой длинный, согнутый корпус. В его фигуре есть что-то думающее и хотя нерешительное, но — решающее...

Мне кажется, он — вор.

Приятно видеть человека, который чувствует себя живым в черных сетях города.

Раскрытые окна дышат тошным запахом человеческого пота.

Непонятные, глухие звуки дремотно возятся в душной, тоскливой тьме...

Уснул и сонно бредит мрачный город Желтого Дьявола.

Великий писатель советского народа

На рубеже двух исторических эпох возвысилась в нашей стране величественная фигура Максима Горького. Литературная деятельность буревестника социалистической революции ознаменовала новую эпоху в художественном развитии всего человечества. На весь мир зазвучал голос гениального писателя, запечатлевшего в своих произведениях рождение новой, социалистической эры.

Горький пришел в литературу, когда в России началось пролетарское, последовательно революционное движение. «Песня о буревестнике», «Песня о соколе», «Мать» и другие его произведения отражали свободолюбивые стремления, революционную борьбу народа, призывали к борьбе.

Творчество гениального пролетарского писателя тесно связано с ростом революционного движения в нашей стране. Великий сын великого народа, он выразил надежды и стремления самых широких масс трудящихся. Произведения Горького отмечены не только художественным мастерством, знанием народной жизни, но и проникнуты самой передовой революционной идейностью. Горький внес новый драгоценный вклад в сокровищницу мировой культуры, оказал мощное воздействие на умы и сердца сотен миллионов людей. В своей речи о Горьком В. М. Молотов сказал: «Влияние художественного слова Горького на судьбы нашей революции непосредственнее и сильнее, чем влияние какого-либо другого нашего писателя. Поэтому именно Горький и является подлинным родоначальником пролетарской, социалистической литературы в нашей стране и в глазах трудящихся всего мира».

В своих оценках творчества Горького В. И. Ленин всегда подчеркивал его огромную роль в общественном развитии. «Своим талантом художника Вы принесли рабочему движению России—да и не одной России—такую громадную пользу...»,— писал Владимир Ильич Горькому. Великий вождь пролетариата отметил, что Горький «крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира...»

В произведениях Горького замечательно показано рождение нового, социалистического общества, новых отношений, новых людей, каких еще не знала история человечества. Все его творчество подчинено идее социалистического преобразования действительности. Он воспел революционную энергию народа, героику патриотического подвига.

Горький явился продолжателем замечательных традиций передовой классической литературы. Вместе с тем он пролагал новые пути. Его деятельность обозначила революционный переворот в художественном творчестве. С именем Горького в мировой литературе связан новый творческий метод — социалистический реализм.

Сам Горький говорил, что социалистический реализм, определяющий своеобразие всей советской литературы, явился как отражение данных трудовой практикой фактов социалистического творчества.

Горький стал величайшим художником мира потому, что в его произведениях раскрыты героические дела, стремления и чувства самого передового — русского революционного рабочего класса, самые передовые идеи современности.

В. И. Ленин говорил о неразрывной слитности художественного творчества Горького с передовыми силами эпохи. Еще на заре русского социалистического движения, когда оно давало только первые ростки, Горький рассмотрел в нем залог грядущего расцвета Родины. А когда социализм победил, еще глубже раскрылась сила таланта Горького. Основы для своего творческого метода писатель нашел в идеях Ленина, учившего, что жизнь следует изображать «не в статическом, а в динамическом виде, т.-е. не в неподвижном состоянии, а в движении... Движение в свою очередь рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего...»

Постоянной темой творчества, критических и публицистических выступлений писателя в советский период явилась тема нового, всего того, что принесла жизнь в нашей стране после 1917 года. «Дело наших литераторов, — пишет Горький в статье «О действительности», — трудное, сложное дело. Оно не сводится только к критике старой действительности... Их задача — изучать, оформлять, изображать и, тем самым, утверждать новую действительность».

Начало новой литературы социализма положено Горьким под непосредственным идейным влиянием В. И. Ленина и И. В. Сталина. Под влиянием ленинских идей о великой освободительной миссии русского рабочего класса Горький в своих произведениях создал замечательные образы революционеров. Впервые в истории мировой литературы в пьесе «Мещане» был воплощен образ революционного пролетария. В лице машиниста Нила писатель утверждал права простых людей, в то время еще униженных и оскорбленных, но которые, по твердому убеждению писателя, должны владеть землей. Черты русских революционеров-большевиков превосходно запечатлены в образах Павла Власова, Андрея Находки, Синцова, Кутузова, Рябинина. Огромным содержанием наполнен образ русской рабочей женщины Ниловны—матери Павла Власова. Именно в повести «Мать» Горький высказал свой идеал будущей России, как «самой яркой демократии земли».

Созданные великим писателем образы революционеров возвышенны, героичны, в них отражены лучшие черты борющегося за свое счастье народа. Эти образы проникнуты огромным обаянием, творческой революционной энергией, о которой товарищ Сталин в статье «Российская социал-демократическая партия и ее ближайшие задачи» говорил: «...великая энергия рождается лишь для великой цели». Положительных героев Горького об'единяют великие цели освобождения народа и построения социализма.

Творчество Горького отличает воинствующий характер, стремление связать свое искусство с революционной деятельностью масс. С подлинной страстью патриота он подчинял свое творчество насущным задачам освободительной борьбы народа. Его классическая повесть «Мать» — художественное воплощение идей, высказанных Лениным в его знаменитой работе «Что делать?»

Советские писатели, стремящиеся воплощать в своем творчестве лучшие черты народа, продолжают развивать традиции Горького. В центре советской литературы находятся героические образы борцов за социализм.

Новаторский смысл творчества Горького и советской литературы ярко раскрывается именно в не доступной для буржуазного искусства способности создавать убедительные и жизненные положительные образы.

Горький в своем творчестве осуществлял те принципы, которые, характеризуя литературу будущего социалистического общества, Ленин блестяще сформулировал в статье 1905 года «Партийная организация и партийная литература»: «Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды».

Источником силы Горького, как художника, была социалистическая идейность, большевистская партийность.

Горький был другом Ленина и Сталина, которые чрезвычайно высоко ценили его талант. Однако, когда Горький, сблизившись с отзовистской группой «Вперед», а также в 1917 году, допускал серьезные идейные ошибки, Ленин и Сталин резко критиковали его. Эта принципиальная товарищеская критика имела огромное значение для писателя, помогла ему освободиться от заблуждений и достичь новых творческих побед. Терпеливо и чутко критикуя временные заблуждения писателя, великие вожди революции неустанно направляли его творчество. В отношении Ленина и Сталина к Горькому мы видим живой пример огромной воспитательной работы и заботы партии о расцвете передовой социалистической, подлинно народной культуры.

Лучшие произведения Горького созданы под личным влиянием Ленина и Сталина, при их дружеской и взыскательной помощи.

Горький — основоположник советской литературы. Он предвосхитил и наметил главнейшие идейно-литературные проблемы, определившие направление нашей литературы на много лет вперед. Советские писатели вслед за Горьким обратились к проблеме судьбы народа, утверждения идей революции и социализма, воспитания высокого патриотического сознания советского человека.

Последовательное разоблачение буржуазного индивидуализма, всех разновидностей чуждого нам мировоззрения характерно для советской литературы на всем ее пути. Начатая еще в раннем творчестве Горького, эта линия критического разоблачения нашла свое наиболее полное воплощение в эпопее «Жизнь Клима Самгина», революционном произведении, сокрушающем духовные основы буржуазного мира. Образ Клима Самгина заключает в себе художественное обобщение, выходящее далеко за пределы своего времени. Он не потерял своей остроты и актуальности и в наши дни. В Самгине мы находим черты психологии современной зарубежной реакции, лицемерно говорящей о демократии, а на деле ненавидящей свободу, стремящейся надеть цепи рабства на весь мир.

Горький не ограничился только обличительной целью. Главное в его творчестве— утверждение торжества демократии, торжества социализма.

Еще в условиях старой России он мечтал о свободном творчестве свободных людей. На протяжении всей своей жизни Горький отстаивал радость свободного созидания. Эта благородная мечта Горького осуществилась в советской, социалистической стране.

Советских литераторов Горький призывал воспроизводить в художественных образах человеческий труд, показать его благородство и поэзию. В своем творчестве Горький нарисовал образ нового хозяина земли. Таким хозяином земли он считал людей труда. Только труженики достойны звания человека. Представителей эксплоататорских классов писатель характеризовал, как человекоподобных. Заправил империалистического мира Горький называл группой всемирных грабителей и убийц, которая «морально разлагаясь... воспитывает все большее количество воров, мошенников и бандитов».

Горький все время подчеркивал, что мир раскололся на два лагеря — лагерь социализма и лагерь империализма. Сам он открыто, с партийной страстностью защищал идеи социализма, интересы великой социалистической Родины. Он был поборником истинной демократии, поборником мира и дружбы между народами.

Настойчиво воспитывал Горький в народе чувства национальной гордости, любви к родной стране и ее культуре. Решительно осуждал он некритическое, раболепное отношение к культуре буржуазного Запада.

Он разоблачал врагов прогресса и демократии, прикрывавшихся маской буржуазной демократии, с величайшей непримиримостью выступал против всевластия капиталистических монополий, против растленной буржуазной культуры, против всех темных сил реакции. В памфлете «Король, который высоко держит свое знамя» Горький с уничтожающим сарказмом обличал в лице Вильгельма Гогенцоллерна германский империализм. Писателем рельефно нарисован облик тупого и высокомерного прусского милитаризма, порождением которого явился гнусный немецкий фашизм. Великий писатель мужественно выступал против всякого империализма, какой бы маской тот ни прикрывался. Он гневно бичевал в памфлете «Прекрасная Франция» французскую буржуазию, торговавшую кровью народов, предоставлявшую царскому правительству займы для удушения русской революции. Неувядаемую свежесть и остроту до сих пор сохранили написанные Горьким в 1906 году замечательные памфлеты о странах капитализма. Резко противопоставляет Горький людям труда лагерь реакции, империализм, порождающий фашизм, мечтающий об истреблении миллионов людей и мировом господстве.

Горький нарисовал собирательный образ некоего миллионера, «одного из королей республики», который нагло требовал, чтобы все члены буржуазного правительства стали акционерами промышленных предприятий и выполняли волю капиталистических монополий. Правдивые и острые памфлеты Горького против слуг «желтого дьявола» — золота — в полной мере сохранили свою актуальность и остроту.

С полным основанием Горький заклеймил презрением одного из наиболее рьяных поджигателей войны — Уинстона Черчилля. Горький писал: «Вот, например, Уинстон Черчилль, он, конечно, уже не человек, а что-то неизмеримо худшее, он — весьма характерен, как существо, у которого классовый признак выражен совершенно идеально, в форме его консерватизма и звериной ненависти к трудовому народу Союза Советов...»

Борьбу с буржуазным мракобесием великий писатель считал одной из важнейших задач своей литературной деятельности. Настойчиво и страстно он вел борьбу против идеологии империализма, против культа войны, расизма и всяких иных видов духовного гангстерства.

Горький содействовал об'единению и идейному росту прогрессивных деятелей во всем мире. Достаточно вспомнить такую его публицистическую статью, как «С кем вы, «мастера культуры»?»

Художественные произведения, публицистические статьи и общественная деятельность Горького сыграли огромную роль, помогли лучшим представителям зарубежной интеллигенции перейти на сторону борющегося пролетариата. Влияние Горького, как руководителя передовых культурных сил мира, было признано еще при его жизни крупнейшими художниками. Упомянем о воздействии Горького на таких различных писателей, как Мартин Андерсен-Нексе, молодой Джек Лондон, Теодор Драйзер, Эптон Синклер, Ромэн Роллан, Анри Барбюс, Ральф Фокс, Юлиус Фучик, Луи Арагон, Иоганнес Бехер, Поль Элюар и другие.

Горький дал современной мировой литературе самые высокие творческие идеалы, сочетающие непререкаемую правду реализма с оптимистическим жизнеутверждением.

Великий писатель призывал к об'единению всех передовых, культурных деятелей, к активной борьбе против реакционных сил империализма, врагов народов и мира. Он знал, что будущее — за людьми труда, за демократией.

Гневный обличитель буржуазной литературы, Горький утверждал, что декаденты и декадентство со всех точек зрения — и с точки зрения общественной, и с точки зрения искусства, и с точки зрения морали — явление вредное, антиобщественное, явление, с которым необходимо бороться.

Горький принимал активное участие в борьбе советских художников против аполитичности и формализма. Горький показал реакционность и рабскую зависимость формализма от зарубежного декадентства. И в настоящее время, когда советская общественность разоблачает антипатриотическую деятельность эстетствующих космополитов, идейно-художественные принципы Горького оказывают нам огромную помощь.

Горький был замечательным учителем и другом советских писателей. Он требовал от литераторов прежде всего высокой идейности, беззаветного служения народу.

Художественная пропаганда передовых идей современности придает творчеству Горького и всех других советских писателей необычайную силу воздействия. «Нельзя считать случайностью,— сказал товарищ Молотов в докладе к 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции,— что ныне лучшие произведения литературы принадлежат перу писателей, которые чувствуют свою неразрывную идейную связь с коммунизмом».

Пламенный советский патриот, Горький гордился тем, что в создании советской литературы участвуют писатели всех национальностей Советского Союза. Он высоко ценил достижения русской литературы и искусства, всю культуру русского народа. «В истории развития литературы европейской наша юная литература представляет собой феномен изумительный; я не преувеличу правды, сказав, что ни одна из литератур Запада не возникала к жизни с такой силой и быстротой, в таком мощном, ослепительном блеске таланта. Никто в Европе не создавал столь крупных, всем миром признанных книг, никто не творил столь дивных красот, при таких неописуемо тяжких условиях. Это незыблемо устанавливается путем сравнения истории западных литератур с историей нашей; нигде на протяжении неполных ста лет не появлялось столь яркого созвездия великих имен, как в России...»

Горький превосходно знал цену лицемерной космополитской проповеди буржуазии, прикрывающей ею свой человеконенавистнический шовинизм. Людей, нигилистически пренебрегающих своей родной культурой, Горький презирал до глубины души.

Его творчество вызывает в нас глубокое чувство национальной гордости. На его примере отчетливо видно, какой огромный вклад внес советский народ в мировую культуру.

Великий патриот социалистической отчизны, Горький призывал писателей к активной борьбе за укрепление могущества своей Родины. Гордо звучат его слова о святом призвании советского писателя: «Мы выступаем в стране, освещенной гением Владимира Ильича Ленина, где неутомимо и чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина.

Вот, что надобно крепко помнить нам в нашей работе и во всех выступлениях наших перед миром». И всю силу своего пафоса, все величие своего творческого гения Горький отдал прославлению освободительных идей коммунизма.

В. ЩЕРБИНА.